

26.00.01 Теология

УДК 297.1

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-41-52

А. Г. Хайрутдинов

ГБУ Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань;

Московский исламский институт, г. Москва

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПРЕДПИСАНИЯ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ВЕРООТСТУПНИЧЕСТВО В КНИГЕ МУСЫ БИГИЕВА *КАВА'ИД ФИКХИЙЯ*

ХАЙРУТДИНОВ Айдар Гарифутдинович —

канд. филос. наук, доц.; ст. науч. сотр. Отдела истории религий
и общественной мысли.

ГБУ Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан
(420014, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, д. 7).

Руководитель Центра изучения наследия Мусы Бигиева.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).

E-mail: khaidar67@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается пример иджтихада Мусы Джаруллаха Бигиева, заключающийся в критическом разборе и опровержении шариатского положения, предписывающего смертную казнь для отступников, отказавшихся от исповедания ислама. Материал основан на комментариях Бигиева к одному из правил фикха, собранных и представленных им на страницах работы *Кава'ид фикхийя* (Казань, 1910), и вводится в научный оборот впервые. Речь идет о правиле, в котором сформулированы цели исламского шариата. Одну из таковых Бигиев называет «защита жизни», понимая под этим не только защиту прав человечества как вида, но и защиту прав каждого индивида. При этом «право на свободу» он относит к прирожденным и неотъемлемым правам человека. В качестве составной части

этого права Бигиев рассматривает «право на свободу вероисповедания» как шариатский принцип, который призван не допустить репрессий по отношению к тем, кто поменял веру, и в свете этого ставит вопрос о соответствии исламу практики смертной казни за вероотступничество. В заключение статьи высказывается идея о существовании двух типов мусульманского фундаментализма, сущностно отличающихся друг от друга.

Ключевые слова: Муса Джаруллах Бигиев, татарская религиозная мысль, вероотступничество, усул ал-фикх, иджтихад, исламский фундаментализм.

Для цитирования: Хайрутдинов А. Г. Опровержение предписания

о смертной казни за вероотступничество в книге Мусы Бигиева *Кава'ид фикхийя* // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20. № 1: 41–52

DOI 10.22311/2074-1529-2024-20-1-41-52

Статья поступила в редакцию: 10.12.2023

Статья принята к публикации: 01.02.2024

Введение

Настоящая публикация познакомит читателя с интересным и актуальным даже в наши дни примером иджтихада татарского мусульманского религиозного мыслителя и факиха Мусы Джаруллаха Бигиева (1875–1949). Речь идет о фундаменталистском переосмыслении татарским ученым шариатской практики казни за вероотступничество, чему он уделил место в фундаментальном сборнике правил мусульманского законотворчества *Кава'ид фикхийя* в разъяснении к правилу под номером 194. При работе над переводом упомянутого источника было трудно не заметить, что комментарий Бигиева к данному правилу занимает 60 страниц, что составляет более четверти объема книги. Такое соотношение со всей очевидностью показывает, насколько большое значение автор придавал объяснению всех тонкостей упомянутого правила.

Кава'ид фикхийя и правило фикха № 194

Сборник *Кава'ид фикхийя* представляет собой одну из самых объемных работ Бигиева, опубликованных в годы его жизни в России. Он был издан в Казани в 1910 году в типографии «Урнэк». Объем книги — 232 страницы, что в пересчете на современные текстометрические единицы составляет 12 авторских листов. Язык книги османский и татаро-османский. Книга имеет многословное название, которое в переводе

на русский язык звучит следующим образом: «Пригодные для использования в качестве азбуки исламского шариата правила фикха. Написано пером Мусы Джаруллаха Бигиева под руководством, наблюдением и поручительством уважаемого хазрата Ризы-эфенди в качестве вступления к журналу “Ахкам шар‘ийа”».

Правило № 194, которое будет частично рассмотрено в настоящей публикации, на языке оригинала имеет следующий вид:

Шәригәтә исламиядә моғътәбәр зарури максадлар: 1) дин, 2) нәфес, 3) гакыл, 4) мал, 5) нәсел, 6) гырыз.

Как видим, в данной формулировке только синтаксический строй предложения отвечает правилам татарского языка, поэтому его будет сравнительно просто перевести на арабский язык, а именно: (المقاصد الضرورية المعتبرة في الشريعة الاسلامية: ١ الدين; ٢ النفس; ٣ العقل; ٤ المال; ٥ النسل; ٦ العرض).

Полагаем, что данный перевод получился не только понятным, но и в достаточной мере информативным для носителя арабского языка. Однако дословный перевод правила на русский язык не позволяет вникнуть в суть некоторых понятий и терминов, поэтому в данном случае лучше прибегнуть к его смысловому переводу: *Цели исламского шариата: 1) защита религии (дин); 2) защита жизни (нафс); 3) защита разума (‘акл); 4) защита собственности (мал); 5) защита продолжения рода (насл); 6) защита чести (‘ирд).*

Итак, в упомянутом правиле фикха Бигиев перечислил фундаментальные цели исламского закона, по сути обозначив задачи, определяющие предназначение шариата как такового. Таких задач у него набралось шесть: религия, жизнь, разум, собственность, продолжение рода, честь. Согласно твердому убеждению Бигиева, исламский закон призван защищать и оберегать эти шесть основ человеческой жизни. Между тем, имам ал-Газали (1058–1111) в своей работе *Ал-мустасфа мин ‘илм ал-усул* («Избранное из науки об основах») писал о пяти целях шариата: «...мы подразумеваем сохранение целей шариата, направленных на защиту **пяти** важнейших для человека вещей: его религии, души, разума, потомства и имущества»¹. Таким образом, Бигиев расширил количество задач, для решения которых предназначен шариат.

Очевидно, что интерес представляют разъяснения Бигиева по поводу каждой из перечисленных выше целей шариата, особенно такой цели, как «защита чести». Однако формат настоящей публикации не позволяет подробно рассмотреть все эти комментарии, поэтому остановимся на одном крайне интересном фрагменте работы, где Бигиев опровергает шариатское правовое положение (*хукм*) о смертной казни за оставление ислама.

¹ Цит. по: *Абу Хамид ибн Мухаммад аль-Газали. Ал-мустасфа мин ‘илм ал-усул. Булак: Ал-Матба’а ал-Амирийа, 1322 г. х. 1904 г. Т. 2. С. 286–287.*

По понятным причинам Бигиев отнес данный вопрос к такой цели шариата, как «защита жизни», которая, по его мнению, заключается и в защите исламским шариатом человеческого вида, и в защите всех прав человечества как вида, и в защите всех прав каждого индивида. При этом права человека, согласно Бигиеву, делятся на два вида: *сущностные*, или *исконные права* (*хукук зати*) и *приобретаемые права* (*хукук касби*).

Сущностные права, т. е. права, присущие человеку по праву рождения его таковым и называемые также *прирождёнными и неотъемлемыми*, согласно разъяснению Бигиева, включают в себя: 1) право на жизнь (*хакк-и хайат*), 2) право на здоровье (*хакк-и сихха*), 3) право на дееспособность (*хакк-и ахлиййа*), 4) право на свободу (*хакк-и хурриййа*), 5) право на равноправие (*хакк-и мусава*), 6) право на стремление к счастью (*хакк-и тахаррий-е са'ада*).

Далее Бигиев подробно разъясняет содержание каждой из перечисленных выше шести составляющих такой шариатской цели, как «защита жизни». Но мы остановимся на понимании Бигиевым подпункта «право на свободу», что далее будет рассмотрено на примере толкования им понятия «свобода», после чего речь пойдет о вводимом им понятии «право на свободу вероисповедания» в качестве шариатского принципа, который, в свою очередь, подразумевает недопустимость репрессий по отношению к мусульманам, решившим оставить исповедание ислама.

Понятие «свобода» в определении Мусы Бигиева

Давая определение к понятию «свобода», Бигиев пишет: *«Свобода — это право каждого человека действовать в своих интересах или в интересах общества согласно собственной воле без каких-либо ограничений во всех действиях, которые не несут в себе вреда для окружающих. Свобода является явным и очевидным признаком дееспособного человека. Не будь у человека свободы, человек превратился бы в подобие чего-то безжизненного (джамад). Свобода также является свидетельством принадлежности к человеческому роду. Без свободы человек теряет свою человеческую природу (инсаниййа). Итак, свобода — это свобода человека поступать согласно своей воле и желанию»¹.*

Раскрывая содержание понятия «право на свободу» Бигиев отмечает, что свобода зиждется на принципе «неприкосновенности чужого права» (*гайринең хақына тәжәвез итмәмәк*). И он сразу подчеркивает, что такое определение основополагающего принципа свободы

¹ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъиййә. Казань: Электро-Типография «Урнәк», 1328 [1910]. С. 168.

отнюдь не подразумевает ограничение свободы, но, напротив, подразумевает ее реализацию (*тахжик*), поскольку забота о свободе как таковой в условиях социальной среды осуществляется в интересах защиты прав каждого ее члена. Иными словами, если бы свобода отдельно взятого индивида не была бы ограничена принципом неприкосновенности прав окружающих, то в таком случае свобода окружающих со всей неумолимостью также оказалась бы неограниченной принципом неприкосновенности прав упомянутого отдельно взятого индивида. Иными словами, ни один член общества не был бы защищен от произвола по отношению к себе со стороны других его членов. Так Бигиев приходит к заключению о том, что право на свободу, игнорирующее принцип неприкосновенности прав окружающих, не защищает человеческие права, но наоборот, аннулирует их.

В свете сказанного выше Бигиев пишет, что, согласно его твердому убеждению, *каждый из небесных шариатов был ниспослан с целью оглашения человеческих прав и установления всеобщей справедливости. Особенно это касается исламского шариата, являющегося последним из небесных шариатов. По сравнению со всеми вместе взятыми предшествующими шариатами, исламский шариат уделил наибольшее внимание уважению к человеческим правам и проблеме формирования совокупности законов, призванных стать фундаментом человеческого жизнеустройства. Исламский шариат ... признал всех людей без исключения равными, а также провозгласил каждого человека субъектом дарованной ему Аллахом полной и разумной свободы, ограниченной только условием нахождения в поле полезности и непричинением вреда окружающим*¹.

Переходя к разговору о некоторых вопросах, которые, как пишет Бигиев, «...в существующих трактатах по фикху и сборниках Сунны выглядят противоречащими праву на свободу»², он в качестве примера обращается к практике смертной казни за вероотступничество (*катл-е муртадд*), а также к проблеме рабовладения (которая в этой статье по упомянутым выше причинам не рассматривается). По мнению Бигиева, любой разумный человек, сославшись на эти общепринятые в исламе практики, т. е. на смертную казнь за отступничество и институт рабовладения, может попытаться опровергнуть его утверждение о том, что исламский шариат защищает право человека на свободу. Важно отметить, что понятие «право на свободу вероисповедания» вводится Бигиевым в качестве составной части «права индивида на свободу», а также как опровержение существующего в исламской правовой практике уголовного преследования человека за отпадение от ислама.

¹ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикънийё. С. 171.

² Там же. С. 179.

Опровержение предписания о смертной казни за вероотступничество

Стремясь к максимальной объективности своего изложения, Бигиев напоминает о рассуждениях и якобы шариатских аргументах, которыми исламские факихи обосновывают решение о необходимости смертной казни за вероотступничество (*иртидад*). Он пишет, что согласно текстам трактатов по хадисам и фикху, вероотступник и вероотступница умерщвляются. Причем в отношении мужчины этот вопрос решается на основе консенсуса (*иджма'*), а в отношении женщины — решением, принятым большинством (*джумхур*). Затем Бигиев перечисляет доводы, опираясь на которые факих приговаривает к смертной казни вероотступников:

1) «Согласно передаче от Ибн Аббаса, досточтимый Пророк (да благословит его Аллах и прветствует) повелел: “Предайте смерти того, кто поменял религию”» (привел ал-Бухари);

2) «Согласно передаче от Муаза ибн Джабала (мир ему), некий человек сперва был мусульманином, потом стал иудеем. Муаз (мир ему) сказал: “Я не сяду, пока не убью этого человека”. Таково было решение Аллаха и его Посланника. Было велено поступать таким образом, и тот человек был предан смерти (хадис муттафак)»;

3) «Иными словами, такое положение дел [вероотступничество] неприемлемо в принципе и требует покаяния за него. Если человек покается, то спасется, в противном случае — будет умерщвлен».

Также Бигиев упоминает аят Корана (وَمَنْ يَبْتَغِ غَيْرَ الْإِسْلَامِ دِينًا فَلَنْ يُقْبَلَ مِنْهُ) **«Если кто желает иную религию, помимо ислама (смирения с волей Аллаха), это никогда не будет принято от него...»¹**, который также используется факихами для обоснования правомерности казни за *иртидад*.

Бигиев подчеркивает, что факихи выносят решения о казни вероотступников, опираясь именно на эту доказательную базу. Причем, как он отмечает, делается это якобы в стремлении избежать нанесения урона религии, ради поддержания уважения к ней и к религиозному укладу в целом. Бигиев утверждает, что с точки зрения факихов, рассматривавших феномен вероотступничества с позиции политики, защиты общины и ее единства, казнь за отказ от исповедания ислама является лучшим способом защиты государства и цивилизации. Исходя из таких умозаключений, факихи и заявили (далее Бигиев цитирует характерное для них решение): (قتل الارتداد — عقوبة لهتك حرمة الملة وحذراً عن تفرق الوحدة. فان) (حفظ الملة ووحدها اصل النظام المدني), т. е. «Убийство за вероотступничество есть

¹ Коран, 3: 85. Здесь и далее, если не указано дополнительно, аяты Корана цитируются по изданию: Священный Коран. Смысловый перевод с комментариями / гл. ред. Д. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2015.

наказание за оскорбление святости общины и предостережение от разделения единства. Воистину, сохранение общины и ее единства является основой общественной системы»¹.

Далее Бигиев переходит к обоснованию своего опровержения легитимности казни за *иртидад*. Он пишет: «Однако согласно нашей идее, в *Благородном Коране* нет ни айата, ни слова, являющегося аргументом в пользу убийства вероотступника. Чудесный благородный строй *Благородного Корана* отнюдь не должен содержать в себе подобное доказательство только лишь по той причине, что предложения, подобные фразе (فَلَنْ يُقْبَلَ مِنْهُ) «...**никогда не будет принято от него...**»², были истолкованы в той форме, которая соответствует утверждению [факихов о необходимости казнить вероотступников. — А. Х.]. Усматривание в *благородном айате*, имеющем значение “А если кто-то будет искать истинную религию помимо ислама, то он не найдет такую”, повеления казнить вероотступников отнюдь не является пониманием широким и полезным настолько, чтобы соответствовать смысловой широте его *благородного строя*»³.

Далее Бигиев заостряет внимание на айатах Корана, отмечая, что в нем вероотступничество упоминается несколько раз, однако никогда не говорится о том, что наказанием за это должна быть смерть. В доказательство он ссылается на следующие айаты: «...**Они не прекратят сражаться против вас, пока не отвернут вас от вашей веры, насколько смогут. И если кто-либо из вас отвернется от своей веры и умрет в неверии, его дела не принесут никакого плода в Нынешней жизни и в Грядущей. Они будут обитателями огня и пребудут там вечно**» (Коран, 2: 217) и «**О верующие! Если кто-нибудь из вас отступит от своей религии, то Аллах приведет других людей, которых Он будет любить и которые будут любить Его. Они будут смиренны перед верующими и непреклонны перед неверующими, будут вести борьбу на пути Аллаха и не бояться порицания порицающих...**» (Коран, 5: 54).

Приведя коранические доказательства своей позиции, Бигиев заключает: «То, что в подобных айатах, когда речь идет о наказании, убийство не упоминается, в определенной степени является свидетельством в пользу верности нашего утверждения»⁴.

¹ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъһиййә. С. 180.

² Коран, 3: 85.

³ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъһиййә. С. 180.

⁴ Там же.

Разъяснение причин казни вероотступников во времена посланничества

Бигиев посчитал, что для максимально убедительного опровержения легитимности практики казни за вероотступничество ему следует остановиться на тех случаях подобных казней, которые имели место во времена посланничества пророка Мухаммада. Бигиев полагал, что случаи казни вероотступников, подтверждаемые *Сунной*, могут быть объяснены одним из двух мотивов.

Первый мотив заключается в том, что в первый век ислама вероотступники после своего отступничества, изо всех сил стремясь нанести урон исламу, преследовали цель распространить среди мусульман зло смуты. Казнь таких вероотступников совершалась не по причине их отступничества, но для того, чтобы пресечь распространение зла. Бигиев объясняет, что, если бы после своего отступничества вероотступник не распространял бы смуту против ислама, в этом случае смертная казнь не осуществлялась бы. И если казнь вероотступников совершалась не из-за их отступничества, но с целью положить конец распространяемой ими смуте, то проблема казни вероотступников в первый век ислама, по мнению Бигиева, не будет представлять собой противоречие, аннулирующее право на свободу вероисповедания.

Второй мотив для привлечения вероотступников к наказанию в первый век ислама заключался в том, что они путем двуличия, запугивания или же без каких-либо оснований вообще создавали препятствия для принятия ислама другими людьми.

Здесь интересны рассуждения Бигиева о мотивах, побуждающих человека принять ислам. Он пишет, что если кто-то и намеревается принять ислам, то он должен принимать его за его истинность, тогда как принятие ислама без понимания его сути, без признания ясных доводов, свидетельствующих об истинности этой религии и ее постулатов, или приход в ислам, вызванный только лишь страхом наказания, с точки зрения шариата не является стоящим делом. Бигиев считает этот момент более чем очевидным и неопровержимым доказательством отсутствия принуждения в исламе: *«Если шариат не берет в расчет веру людей, которые принимали ислам случайно, то слова о том, что шариат призывает к принятию ислама силой меча, конечно же, оказываются бессодержательными»*¹.

Подчеркивая, что он открыто выражает свое несогласие с консенсусом авторитетных факихов в вопросе о наказании за вероотступничество, Бигиев пишет: *«...если сила меча и способна принудить человека к совершению зримых действий, она ни на йоту не может повлиять*

¹ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъхийя. С. 182.

на вероубеждение человека, на его совесть. Вероубеждение и вера, которые не оказывают воздействия на сердце человека, не признаются с точки зрения шариата. Не существует правового решения ни относительно веры, ни относительно куфра, если они имеют только вербальную форму. Если целью наказания вероотступника является отсутствующая в его сердце вера, то невозможно возникновение такой веры путем его казни <...> Имеется огромное зло в том, что членом уммы Мухаммада продолжает считаться человек, который сердцем уже вышел из ислама, но в физическом плане кутается в исламские одежды из страха быть наказанным мечом. Содействие появлению таких людей в общественной системе вредно во всех отношениях, и оно, в определенной степени, противоречит величю ислама. Разве большинство политических пороков каждой нации не возникли из-за влияния подобных ущербных элементов? Несмотря на то, что наш взгляд не соответствует консенсусу уважаемых факихов, он тем не менее созвучен многочисленным аятам Благородного Корана. Например, аяту (لَا إِكْرَاهَ فِي الدِّينِ قَدْ تَبَيَّنَ الرُّشْدُ مِنَ الْغَيِّ) «**Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения...**»¹ Если казнь вероотступника совершается с целью вернуть его в ислам, то в религии было бы необходимо наличие такого механизма, как принуждение. Однако благородный аят (أَفَأَنْتَ تُكْرِهُ النَّاسَ حَتَّىٰ يَكُونُوا مُؤْمِنِينَ) «**...Разве ты стал бы принуждать людей обратиться в верующих?**»² изъяс принуждение из правомочий человека. Иными словами: «Принудить может Аллах, а не ты». По этой причине убийство вероотступника за оставление им религии не находится в ведении исламской власти... Благодаря этому нашему разъяснению подтверждается утверждение о том, что «даже если в первом веке и были случаи убийства вероотступников, то они совершались не по причине их отпадения». В свете сказанного, недопустимо представление таких случаев в качестве свидетельства об их противоречии имеющемуся в исламском шариате праву на свободу вероисповедания»³.

¹ Кораническая фраза (لَا إِكْرَاهَ) переводится, как «**нет принуждения**», т. е. звучит, как неоспоримое утверждение или констатация незыблемого факта. Так эта фраза была переведена в предыдущем издании перевода Корана 2007 года, который мы использовали в данной сноске (см.: Священный Коран с комментариями на русском языке. Н. Новгород, ИД «Медина», 2007). Однако в том же переводе Корана, но в редакции 2015 года данная фраза переведена, как «**И да не будет никакого принуждения...**», что звучит как призыв и благопожелание, т. е. ее смысл серьезно изменен. На наш взгляд, вряд ли М. Бигиев в качестве довода стал бы приводить аргумент в виде призыва. В добавление к этому, следует отметить, что во всех известных в России переводах Корана на русский язык (И. Крачковского, Э. Кулиева, М.-Н. Османова, Г. Саблукова и Б. Шидфар) рассматриваемая фраза переводится, как «нет принуждения». Коран, 2: 256. См.: Священный Коран с комментариями на русском языке.

² Коран, 10: 99.

В данном случае мы сочли, что более соответствующим логике аргументирования М. Бигиева является перевод аята в том виде, который он имеет в издании 2007 года (см.: Священный Коран с комментариями на русском языке).

³ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъиййэ. С. 182–183.

Заключение

Итак, приведя убедительные доводы, опровергающие обоснованную школами фикха практику казни за вероотступничество как явления, идущего вразрез с таким предназначением шариата, как сохранение человеческой жизни, Муса Бигиев, во-первых, фактически, вынес фетву о недопустимости наказания человека за отступничество, выразившееся в отказе от исповедания ислама.

Во-вторых, Бигиев представил имеющиеся в источниках ислама предписания, согласно которым в исламском обществе должна быть гарантирована полная свобода вероисповедания без каких-либо ограничений и должен соблюдаться строгий запрет любых форм принуждения к принятию ислама иноверцами.

В-третьих, свои выводы и правовые решения Бигиев обосновал путем анализа источников ислама — Корана и пророческой традиции, а также социально-политических условий первых лет ислама. Благодаря этому подходу Бигиев дает нам возможность, с одной стороны, получить представление об истории и конкретных механизмах искажения духа и буквы предписаний первоисточников ислама предшествовавшими поколениями богословов, с другой стороны, в очередной раз стать свидетелями яркого образца иджтихада и практической реализации Бигиевым его призыва о необходимости реформировать не ислам, но понимание ислама мусульманами.

В-четвертых, Бигиев не только опровергает идею о необходимости религиозной реформы в исламе и показывает ее несостоятельность, но и вносит ясность в понимание сути мусульманского религиозного фундаментализма (МРФ). Понимание сути МРФ представляет особую важность в современных условиях, поскольку изучение и осмысление трудов Бигиева позволяет прийти к выводу о существовании двух его типов: первый тип МРФ, который часто заявляет о себе в настоящее время, заключается в попытке обращения к прошлому с целью реставрации сложившейся на протяжении веков системы т. н. «традиционных» исламских ценностей и образа жизни, на поверку оказывающихся далеко отошедшими и, как правило, противоречащими духу и букве сакральных первоисточников ислама со всеми вытекающими негативными последствиями этой своеобразной латентной формы «измены» первоисточникам. Последнее регулярно приводит к возникновению всякого рода религиозно окрашенных конфликтогенных ситуаций в зонах соприкосновения исламской и не-исламской среды, начиная с уровня межлических контактов, вплоть до уровня межгосударственных и даже межцивилизационных отношений. Данный тип МРФ можно назвать ригористско-традиционалистским. Влияние описываемого типа МРФ обнаруживается в деятельности многочисленных

террористических движений, лидеры и участники которых необоснованно, но без тени сомнения утверждают, что имеют полное право называть свои организации исламскими, а себя — мусульманами.

Второй тип МРФ имеет гуманистическую природу, примеры чего в изобилии обнаруживаются в трудах выдающегося российского теолога Мусы Бигиева. В такого рода примерах представлены как теоретическая база, так и практические меры, показывающие, как мусульманская умма могла бы устраивать свою жизнь согласно духу и букве фундаментальных источников ислама — Корана и *Сунны*.

Популяризация трудов Бигиева и ознакомление мусульман с ними позволило бы им без каких-либо переживаний по поводу мнимого нарушения устоев шариата комфортно жить в современном мире в любом окружении, если только это самое окружение не посягает на реализацию их права на свободу вероисповедания и права на жизнь вообще. Этот тип МРФ предлагается назвать гуманистическо-обновленческим религиозным фундаментализмом.

Литература

Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъхиййә. Казань: Электро-Типография «Урнэк», 1328 [1910]. 232 б.

Абу Хамид ибн Мухаммад ал-Газали. Ал-мустасфа мин ‘илм ал-усул. Булак: Ал-Матба‘а ал-Амирийя, 1322 г. х. 1904 г. Т. 2, 408 с.

Священный Коран с комментариями на русском языке. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 1741 с.

Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / гл. ред. Д. Мухетдинов. М.: ИД “Медина”, 2015. 1888 с.

References

Bigiev M. J. (1328/1910). *Qawagiyd fiqhiyya* [The Rules of Fiqh]. Kazan: Urnek». 232 p.

Al-Ghazali (1322/1904). *Al-Mustasfa min ‘ilm al-usul* [On Legal Theory of Muslim Jurisprudence]. Cairo: Al-Matba‘a al-Amiriyyah. Vol. 2. 408 p.

The Holy Qur’an with comments in Russian (2007). Nizhniy Novgorod: Medina. 1741 p.

The Holy Qur’an. Semantic translation with comments (2015). Moscow: Medina. 1888 p.

REFUTATION OF THE PRESCRIPTION OF DEATH PENALTY FOR APOSTASY IN MUSA BIGIEV'S BOOK *QAWA'ID FI QHIYYAH*

Abstract. The article examines the example of *ijtihad* by Musa Jarullah Bigiev (1875–1949), which consists of a critical analysis and refutation of the Shari'a provision prescribing the death penalty for apostates who renounced Islam. The material is based on Bigiev's comments to one of the rules of *fiqh*, collected and presented by him on the pages of the work "Qawa'id *fihiyyah*" (Kazan, 1910). Bigiev calls one of Shari'a goals "protection of life," i. e. the protection of the rights of both humanity as a species and each individual. At the same time, he considers the "right to freedom" to be an innate and inalienable human right. As an integral part of this right, Bigiev considers the "right to freedom of religion" as a Shari'a principle, which is designed to prevent reprisals against those who change their faith and, in light of this conclusion, raises the question of whether the practice of the death penalty for apostasy is consistent with Islam. In conclusion, the idea of the existence of two types of Muslim fundamentalism, essentially different from each other, is voiced.

Keywords: Musa Jarullah Bigiev, Tatar theology, apostasy, *usul al-fiqh*, *ijtihad*, Islamic fundamentalism.

Aidar G. KHAYRUTDINOV,

Cand. Sci. (Philos.), head of the Bigiev's Heritage Research Centre,

Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, Russian Federation);

senior researcher, Department of History of Religions,

Institute of History named after Sh. Marjani,

Academy of Sciences of Republic of Tatarstan

(7, Baturina Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420014, Russian Federation).

